

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ВЕРНИСАЖ

Плюс электрификация

В Музее современного искусства PERMM работает выставка, посвящённая свету

Юлия Баталина

То, что свет — синоним всего прогрессивного и позитивного, очевидно каждому, это, что называется, общее место. Однако куратор Центра современного искусства «Гараж» Валентин Дьяконов, придумывая и создавая в музее PERMM выставку «На маяк. Форма и политика света», отнёсся к этому иначе. Тут общих мест не ищите — всё сложно.

По словам арт-директора музея Наиля Аллахвердиевой, изначально выставка задумывалась как большой аттракцион, очень праздничный. Действительно, световые инсталляции — жанр в современном искусстве популярный, из числа тех, что пользуются успехом у самых широких масс, чего не скажешь о многих других современных арт-феноменах. Однако порадовать посетителей беспримесной радостью не удалось: множество обстоятельств объективного и субъективного характера изменили первоначальную концепцию, от которой остался один экспонат — *spacespeechspeed* немецкого художника Миши Кубалля.

Валентин Дьяконов не впервые курирует выставочный проект в Перми. Пять лет назад он создал в Пермской художественной галерее большую выставку «Философия общего дела» к 95-летию Октябрьской революции. Нынешний проект — тоже к юбилею Октября, более круглому. Дьяконов шутит, что ещё через пять лет ему надо будет сделать выставку в Пермском краеведческом музее, чтобы соблюсти эту последовательность, ну, а потом ведь есть ещё зоопарк, новый аэропорт — везде можно делать выставки. У «Философии общего дела» была толстая теоретическая подкладка: выставка была основана на идеях Александра Богданова, романтика-социалиста, погибшего в ходе эксперимента по переливанию крови. Нынешняя выставка «На маяк» тоже основана на революционных идеях XX века, и эрудиция куратора здесь сыграла сюжетообразующую роль.

Название выставке дала одноимённая книга Вирджинии Вульф, у которой в этом году тоже юбилей — 90 лет со дня первого издания. На протяжении всего романа «На маяк» дети в большой шотландской семье просят отвезти их на виднеющийся вдалеке маяк, но родителям то некогда, то погода плохая... Наконец, спустя много лет, когда половина семьи уже погибла в катаклизмах XX века, отец везёт оставшихся детей на маяк, но почему-то их эта идея уже совсем не увлекает... И всё же постепенно поездка становится настоящей «сбычей мечт»: отец и дети становятся ближе друг к другу, маяк из туманной мечты становится привлекательной реальностью и даёт героям возможность как-то проявить себя, хотя бы в помощи зрителю маяка.

Всё это может рассматриваться как большая метафора утопий XX века,

хотя Вирджинию Вульф такая трактовка, наверное, удивила бы. Но разве нет здесь переклички с утопическим коммунизмом, который казался таким привлекательным, а затем вызвал массовое разочарование? Так или иначе, посетителю выставки придётся пройти через тотальное разрушение, через осознание телесности, обрести государственность... И да, найти маяк.

Первый этаж музея, посвящённый свету как разрушительному началу, почти весь занят тотальной инсталляцией группы «Агентство сингулярных исследований» «Парк Дистопия». На столах, расставленных в центре зала в форме большой чёрной спирали, разложены чёрно-белые ксерокопии довольно плохого качества — здесь есть графики, фотоснимки, старинные гравюры... Случайный, на первый взгляд, подбор создаёт тревожный эмоциональный фон, а тексты, размещённые тут же, на столах, поясняют, к чему всё это.

Оказывается, в середине 1950-х годов на Москву упал огромный метеорит. Учёные вовремя предсказали столкновение, и спящих жителей города успели вывезти в специально подготовленную бутафорскую копию столицы. На месте же подлинной, исторической Москвы сейчас находится огромный кратер (модель кратера — ровно в центре спирали) и институт по его изучению. В кратере множество загадочных феноменов: здесь время нарушает свою линейность и т. д. Поэтому «Агентство сингулярных исследований» в современном коммерциализированном духе предлагает устроить там парк аттракционов.

Историю о снесённой Москве поддерживает телевизионный репортаж «с места событий» («У меня за спиной — край огромного кратера...») и серия исторических фото Москвы 1920–1930-х годов из коллекции Московского Мультимедиа Арт Музея. Репортаж, понятно, фальшивый и сделан так, как делаются пропагандистские репортажи на центральном телевидении. Так и видится какой-нибудь Леонтьев, стоящий на опушке леса и вещающий: «У меня за спиной — скрывающийся за деревьями тренировочный лагерь ваххабитов...» И вообще, вся эта история с фальшивой Москвой — изумительная сатира на создание информационных симулякров. Действительно, разве Москва — не бутафорский город? Разве никто не замечал, что за некоторыми её фасадами совсем нет жизни, а?

А вот фото из МММ — настоящие, архивные, но при этом Москва на

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

них — нереальная, волшебная, сказочная. Валентин Дьяконов подобрал фотографии электрификации Москвы, ведь выставка посвящена свету как составной части социальной и индустриальной революций, а фотохудожники тех лет активно экспериментировали, стараясь эффектно запечатлеть едва появившуюся электрическую иллюминацию. Москва на этих фото светит огромными глазами, превращается в светящийся мираж и ослепляет первыми неоновыми вывесками.

«Эффект разрушения» на первом этаже был бы неполным, если бы не личное переживание этой темы пермской художницей Анной Андриевской. Будучи выходцем из семьи энергетиков, Анна создала драматичную инсталляцию о судьбе затопленных во время строительства Камской ГЭС деревень. В большом, заполненном водой аквариуме медленно разрушается маленькая белая деревенька из глины (домики и крошечных человечков приходится время от времени менять на новых), а в наушниках рядом можно послушать подлинные воспоминания переселённых жителей затопленных территорий, а также строителей ГЭС, в том числе дедушки художницы.

Тема электрификации Прикамья оказалась личной для нескольких участников проекта. Руководитель научного отдела музея PERMM Галина Янковская — тоже из семьи энергетиков. Она сделала для выставки подборку архивных документов и фотографий. Порциями они размещены на всех трёх этажах музея — это очень важная фактическая «подкладка» под причудливыми фантазиями художников.

Второй этаж посвящён телесному, плотскому началу. Здесь центральный экспонат — тотальная инсталляция Виталия Комара и Александра Меламиды «Мавзолей», которая уже выстав-

лялась в PERMM, но, как оказалось, это символическое произведение меняет смысл в зависимости от контекста. В выставке, посвящённой электричеству, особое значение приобретает не сама фигурка Мавзолея с расставленными на ней бюстиками Ленина, а развешенные по периметру помещения фотоколлажи, где фасад Мавзолея украшен светящимися надписями вроде «НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ ПРАХИ».

На этом же этаже — та самая инсталляция Миши Кубалля, для входа на которую нужно постоять в очереди. Три проектора, два зеркальных шара... А эффект — сногшибательный!

Наконец, на третьем этаже, посвящённом социуму и государству, посетитель находит «тот самый» маяк — это известная работа Валерия Кошлякова из запасников музея, модель маяка, который художник планировал установить возле Речного вокзала, когда музей ещё находился в том здании. Маяк, напоминающий работы конструктивистов, в первую очередь Татлина, установлен ровно в том же месте, где на втором этаже находится миниатюрный мавзолей Ленина, а на первом — модель метеоритного кратера. Валентин Дьяконов утверждает, что три экспоната образуют не просто ось, вокруг которой «вращается» выставка, но и энергетическую пирамиду, а также модель структуры философского камня. Это сложно воспринять серьёзно, но нельзя забывать, что свет играл в алхимии огромную роль.

Кроме умозрительной «пирамиды» все три этажа объединяет работа пермского художника Петра Стабровского Frame. Это просто три диапроектора, освещающие фрагменты стен музея. Три одинаковых световых прямоугольника на трёх этажах музея выявляют совершенно разную фактуру стен. Свет — он всё проясняет.